

УДК 821.161.1

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.013

Музыкальное мировосприятие Александра Грина: экзистенциальный смысл, ценностные основания, художественное воплощение

Мокеева Галина Ивановна

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0003-3457-7193. E-mail: galina@mech.unn.ru

Аннотация. Предмет исследования – музыкальность как фактор мировоззрения и творчества А. С. Грина. Целью статьи является анализ музыкального мировосприятия Грина с точки зрения экзистенциального смысла, ценностных оснований и отражения в творчестве. Автор исходит из допущения, что музыкальное мировосприятие сформировалось у Грина в результате глубоко пережитого представления о мире как гармоническом Целом, чье единство обеспечивается посредством музыкального пространственно-временного континуума, задающего ритм, тональность и мелодию вселенского бытия. Это допущение определяет новизну и оригинальность подхода к рассмотрению заявленного предмета исследования.

Главными итогами переживания целостности мира стали для Грина пробуждение музыкального чувства и осознание своей главной жизненной задачей поиск, созидание и служение «истинной родине». Решение этой задачи писатель связывал с верностью высокому идеалу и следованием его зову – зову прекрасного Несбывшегося, приверженностью «логике сердца» и верой в чудо как подвиг любви. Высокая любовь, наделившая его глубиной понимания окружающей действительности, ясностью видения своего пути, – важнейший элемент музыкального чувства Грина, движущая сила его творчества. Благодаря ей он смог сотворить свое чудо, создать свой мир, ее светом проникнуты его лучшие рассказы и романы. Высшее художественное воплощение музыкального мировосприятия Грина – концепция человека-недотроги, обладателя «живой души», живущего в согласии с высшими ценностями бытия, каковыми являются для него Любовь, Свобода, Природа, Правда и Красота, самоотверженно следующего путем противостояния враждебной к нему жизни и молча принимающего свой трагический удел.

На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что музыкальное мировосприятие играло важную роль в жизни и творчестве Грина, являясь его духовно-ценностным жизненным ориентиром, средством сохранения себя во враждебной действительности, дававшим ему необходимый для творчества «духовный простор», помогавшим находить дорогу в царство воображения.

Ключевые слова: Александр Грин, музыкальное мировосприятие, зов Несбывшегося, голос сердца, работа веры и любви, человек-недотрога.

Творчество Грина проникнуто символизмом [1; 15]. Располагаясь «на границе идеи и материи, трансцендентности и имманентности, непознаваемости и познаваемости» [23, с. 51], символ приближает к пониманию онтологических и экзистенциальных оснований бытия, и признаваемая исследователями философская и психологическая глубина лучших сочинений писателя [14; 20] обуславливается во многом их символизмом. Одновременно символ «является бесконечным и органическим объединением противоположностей» [23, с. 51] и в качестве такового служит средством отображения музыкальной, антиномичной сущности мироздания [22, с. 92], гармонично сочетающего самые разнородные элементы. «Символ музыкален» [2, с. 246], и символизм Грина есть прямое следствие и выражение музыкального характера его мироощущения, проявление его музыкальности. Однако проблема музыкальной природы личностного и творческого феномена Грина исследована крайне недостаточно. Диссертация О. Л. Максимовой [17], посвященная анализу музыки как фактору художественного сознания писателя, по сути, единственное серьезное исследование в этом направлении за более чем полувековой период активного изучения творчества Грина. Ее основное содержание составляет рассмотрение эстетических сторон музыкально-художественного мира Грина, функционирования музыки в его прозе. При этом за рамками исследования остаются вопросы генезиса, метафизических и ценностных оснований гриновского музыкального мировосприятия, уяснение которых очень важно для углубления понимания этико-эстети-

ческой системы и творческого метода писателя. Эти вопросы составляют предмет исследования настоящей статьи, целью которой является анализ музыкально-романтического мировосприятия Грина с точки зрения его экзистенциального смысла, ценностных оснований и практической реализации в творчестве писателя.

В понимании роли музыки в мировой жизни Грин был близок позиции немецких романтиков, полагавших музыку первоосновой бытия и важнейшим из искусств, которое максимально приближено к миру чувств и может выражать невыразимое; почитавших музыканта высшим типом личности, способным постигать музыку бытия и следовать ее велениям. Значительное влияние на него также оказали эстетические воззрения его современников-символистов, прежде всего А. Блока и А. Белого. Он разделял их представление о символичности музыки, убежденность в том, что «музыка – духовное тело мира – мысль мира» [28, с. 18]. Ему было близко их понимание символа и связанных с ним понятий как «функций сознания, открывающих доступ к реальности» [23, с. 13], обеспечивающих «проникновение в таинственный слой действительности» [22, с. 91], их представление о «дуализме “музыкального” и “немузыкального” как двух способов отношения к сущности» [23, с. 13]. Он соглашался с ними в том, что «смысл человеческой жизни заключается в беспокойстве и тревоге» [3, с. 25], что гармония в жизни и творчестве утверждается постоянным преодолением дисгармонии.

Общий характер жизнепереживания у Грина, как и у высокочтимого им Блока, основывался на «живом сознании присутствия в мире бесконечного, Божественного, чудесного» [13, с. 282]. Жизненное кредо Грина созвучно блоковскому девизу: «Мира восторг беспредельный / Сердцу певучему дан. / В путь роковой и бесцельный / Шумный зовет океан. / Сдайся мечте невозможной, / Сбудется, что суждено. / Сердцу закон непреложный – / Радость-Страданье одно!» В своих сочинениях он ярко воплотил представление о музыке как «способе соединения мира духовного (божественного) и мира материального (земного)» [17, с. 10]. И допустимо предположить, что музыкальное мировосприятие Грина в значительной мере сформировалось в результате глубокого переживания мира как Целого, существующего в форме двуединства незримой духовной и зримой материальной реальностей, взаимодействующих благодаря посредству особой колебательной субстанции – музыки, проявляющейся «как ритм во времени, как тональность в пространстве, как мелодия в причинности» [2, с. 172]. Несомненно также, что доминирующим чувством в этом процессе являлась любовь, преодолевающая непонимание и неприязнь в отношении к другому, побуждающая воспринимать другого как равного, как друга, а не как врага, делающая мир вокруг себя более чистым, добрым, музыкальным. Ибо вопреки ясному сознанию ужасающей антимузыкальности человеческого мира, пониманию того, что общество крепко запуталось в сетях лжи и зла, что связь его с духовной реальностью истончается, а чувство красоты, бескорыстное стремление к истине и добру у людей слабеет, Грина никогда не покидала потребность в справедливости и гармонии «для всех и всего. Для земли, камней, птиц, людей и животных» [9, с. 86], не оставляла вера в возможность высоких, подлинных чувств и лучших людей, желание одолеть ужас жизни, не позволить возобладать в душе «темным инстинктам», толкающим «к злему искусству и злой жизни» [9, с. 333].

Согласно Хайдеггеру, глубоко исследовавшему вопрос о мире как Целом, переживание целостности мира представляет «экзистенциальную драму» [24, с. 274], доминантами которой выступают «такие настроения, как скука и ужас» и которая реализуется «в те мгновения, когда мир от нас ускользает» [24, с. 275]. Сутью этой драмы является «поиск средоточия пустыни» [24, с. 269], имеющий целью обретение сокровеннейшего для человека мира – мира его души и сердца. В результате ее успешного завершения «между человеком и миром разверзается некое свободное пространство» [24, с. 277] и человек обретает «более свободное отношение к миру, которое философ называет мирозозидающим (weltbildend)» [24, с. 278]. В полном соответствии с хайдеггеровским пониманием экзистенциального смысла переживания мира как Целого это «фундаментальное событие человеческого бытия» [24, с. 265] совершилось в жизни Грина. Свидетельством тому – новелла «Арвентур», впервые опубликованная в 1910 году, а позднее на правах последней «главки» включенная в рассказ «Наследство Пик-Мика» (1915).

Как можно заключить на основании этого рассказа, решающий поворот в жизни Грина (напомним его слова: «Моя биография – в моих книгах» [12, с. 88]) случился в один из долгих дней тоски, «когда у человека начинает отцветать сердце и он мечется по земле, полный смутных видений, музыки горя и ужаса» [6, с. 329]: тогда в его сознании вдруг вспыхнуло сло-

во Арвентур. Оно наполнило душу радостью, верой и отвагой, за ним словно бы открывался величественный мир, где «должны быть чудесные, немислимые для нас вещи» [6, с. 422]. В звучании его восьми букв слышались «печальный зов, торжественное напоминание, сила и нежность; бесконечное утешение, отделенное пропастью» [6, с. 330]. И это звучание было осознано им как зов его «второй, настоящей родины» [10, с. 504], принявшей то «прекрасное несбыточное» [5, с. 190], которое человечество всячески изгоняло из мира и которое столь дорого и значимо для него. С этим зовом пришло к нему понимание его жизненной задачи как борьбы за свою истинную родину, завоевание ее, служение ей, созидание ее.

Из душевных и нравственных испытаний периода мистического прохождения через «средоточие пустыни» бытия Грин вынес понимание, что жизнь несовершенна и абсурдна, полна лжи, зла, страданий, она настоящий ад, но человек не имеет права бежать от этого ада, должен преодолевать «тревогу пустоты и отсутствия смысла» в «мужестве быть» [26, с. 58]. В этом – суть духовного прозрения, которое пришло к нему в результате переживания целостности мира, прозрения, которым он наделил героя рассказа «Возвращенный ад» (1915). Внятным эхом этого переживания звучит и написанный позднее рассказ «Сердце пустыни» (1923) – своеобразная аллегория человеческого самосозидания и существования в целостном мире, облагораживания человеком души и сердца, строительства гармонии в себе и вокруг себя. Герой рассказа, поверив шутке трех скучающих скептиков, отправляется на поиски некоего Сердца Пустыни, затерянного среди тропических лесов, где люди, «связанные одинаковыми вкусами и любовью к цветущей заброшенности» [11, с. 488], живут, словно они «сошлись петь» [11, с. 489]. Не найдя искомого, так как его, конечно, там и не было, он решает построить Сердце Пустыни сам. И действительно создает его, ибо, как убежден Грин, когда человеком владеет мечта, которая сделалась сокровенным его желанием, когда он ясно видит цель, ему не страшны никакие преграды.

Пробуждение музыкального чувства, характеризующегося мирозидательным и исполненным любви отношением к действительности, и формирование музыкального мировосприятия, а также осознание завоевания истинной родины своей главной жизненной задачей – таковы главные итоги глубоко пережитого Грином представления о целостности и единстве мира. С этого момента он начинает строительство своего мира, начинает борьбу за истинную родину, суть которой мыслится им как превращение Несбывшегося в то, что реально существует. «Власть Несбывшегося» [5, с. 120] велика, оно «зовет нас» [5, с. 120], и его зов есть зов высокого идеала, зов духа музыки и гармонии, зов души и сердца. Грин верит в возможность сотворения собственного гармоничного мира – «мира душевной ясной игры» [12, с. 369], отделенного незримой стеной от враждебной реальности, сознавая саму эту возможность одновременно как главную жизненную задачу и как чудо. И вера его в эту чудесную возможность, реализующую «право человека видеть мир таким, как он хочет» [12, с. 368], представление о чуде как подвиге веры и любви – той же природы, что и теургическая мечта А. Белого «о чуде искусства и чуде преображения» [28, с. 32].

Вера в чудо – один из столпов гриновского музыкального мировосприятия. Другим принципом, которому он стремился следовать в созидании своей родины и служении ей, является жизнь по совести, иначе говоря, жизнь в согласии с «логикой сердца», основывающейся на признании сердца метафизическим «субъектом» моральной интуиции, «голосом» духовного разума в человеке [25]. Представление о сердце как особом метафизическом моральном органе и критерии нравственной истины получило глубокую разработку в трудах известных русских философов и религиозных мыслителей периода Серебряного века: Б. П. Вышеславцева, С. Л. Франка, П. А. Флоренского и др. [25] Так, согласно Вышеславцеву, сердце есть «пределный таинственный центр личности, где лежит вся ее ценность и вся ее вечность» [25, с. 374]. В свою очередь Франк утверждает, что «порядок сердца» предуказан заветами христианства и «есть условие осмысленности, прочности нашей жизни... и самого нашего бытия» [25, с. 375]. Впрочем, даже если Грин не был знаком с работами упомянутых мыслителей, он, вне всякого сомнения, жил по законам сердца, ибо «логика сердца», согласно М. Шелеру, восходит к «чувству ценностей» [25], а это чувство было неотъемлемым качеством Грина, убежденного, что высшая цель человеческого бытия неразделима с ценностями «Любви, Свободы, Природы, Правды и Красоты» [9, с. 417]. В соответствии с этими ценностями он строил свою жизнь. Они составляют духовную основу его мировосприятия. И важнейшая из них – любовь.

Гриновское понимание любви как чувства чистого, нежного, самоотверженного в полной мере раскрылось в его отношении к жене – Нине Николаевне Грин. Высокая любовь Гри-

на была воистину «любовью художника» [4, с. 198], которая, по Гофману, «только светит и греет» [4, с. 196], а также необыкновенно обостряет в человеке творческое начало, изливаясь «из самой души художника как его песня – его картина – его поэма» [4, с. 196]. Любовь к Нине Николаевне одарила Грина максимальной ясностью понимания мира и творческой силой. Благодаря ей он сохранил лучшее своей души: ее чистоту, нежность, благородство; смог справиться со своими человеческими слабостями, одолеть тяготы судьбы и, умирая, простить жизнь. Она помогла ему сотворить свой мир, свое чудо – действительно чудо, принимая во внимание, в каких условиях довелось ему жить и творить.

Любовью освещены написанные в годы совместной жизни с Ниной Николаевной замечательные романы и рассказы: «Блистающий мир», «Бегущая по волнам», «Золотая цепь», «Дорога никуда», «Фанданго», «Крысолов», «Серый автомобиль», «Сердце пустыни» и другие, представляющие целостную картину мира, каким его мыслит и видит Грин. В них – полное и точное выражение гриновского мировосприятия – музыкального, поэтического, романтического; его любовь и «вера в лучшее при ясном понимании всей проблемности жизни» [18, с. 42]. В них он полностью раскрывается как художник-романтик, сфокусированный на человеке и его праве и счастье видеть мир таким, каким он его видит. Важнейшее творческое достижение Грина и высшее художественное воплощение его музыкального мировосприятия – образ человека чистой души, не способного «уступить в главном» [8, с. 231], «чье чувство собственного достоинства сильнее инстинкта самосохранения» [16, с. 324]; человека, активно не приемлющего зло и в противодействии ему нередко идущего на незаурядные поступки; человека, который противодействует «враждебной нам жизни молчанием и спокойствием» [15, с. 464]. Определение, присвоенное им этому человеческому типу, возможно, не очень удачное – «недотрога». В «недотрогах», «людях, стоящих в тени» [6, с. 461], воплотилась его сокровенная мечта о подлинном человеке, человеке во многом Несбывшемся.

Гриновские «недотроги» – люди музыкального мировосприятия, «с обостренной душевной чувствительностью и любовью ко всему истинно красивому, чистому и справедливому» [12, с. 156], живущие «в своем мире душевной ясной игры» [12, с. 369], следуя «глубокой, древней музыке ощущения полноты жизни и совершенного спокойствия» [9, с. 383]. Они ощущают нерасторжимую связь с остальным миром, испытывая к нему дружеское, любовное отношение, и верят, как верит герой рассказа «Возвращение», что «вся земля, со всем, что на ней есть, дана для жизни и для признания этой жизни всюду, где она есть» [29, с. 75]. Взаимоотношения с миром основываются у них на чувстве, «пропущенном» через сердце, и подвижны единственно «логикой сердца». Жизненно важной для них потребностью внимать «голосу сердца» обусловлена их предрасположенность к внутренней сосредоточенности, подобной тишине ночи или «особенной тишине знойного дня, полного молчанием замкнутой, насыщенной жизни» [6, с. 148]. В тишине перед ними открывается дорога в «страну человеческого сердца» [10, с. 428] и явственнее проступают контуры Несбывшегося. Так, Ассунта («Трагедия плоскогорья Суан»), выйдя в ночной сад, полный тишины и покоя, вслушивается в стук своего сердца и чувствует, что «немой голос его не то звал куда-то, не то спрашивал» [10, с. 380]. Ей кажется, что «неслышный призрачный звон ночи пришел к ней из бархатных глубин мрака», чудится «звон маленьких колокольчиков, пение земли, игра микроскопических цитр» [10, с. 380]. И вся эта «взволнованная жизнь крови» [10, с. 380] есть результат приобщения героини к таинству тишины, благодаря которому она переживает счастливое мгновение единения с миром, миг полноты ощущения жизни, испытывая желание длить его всегда, вечно.

Отличительное качество «недотрог» – неприятие самодовольной ограниченности, тупости, бессмысленной жестокости в человеке, непримиримость к злу, порой толкающая их на отчаянные поступки. Наблюдая, как глумится над любовью циник-богачей Ван-Конет, не может сдержаться Давенант («Дорога никуда»). Любовь является для него высшей ценностью, и поношение ее он воспринимает как личное оскорбление, когда «молчание равно пощечине самому себе» [8, с. 230]. Потому по «естественной его склонности сопротивляться нечистоте» [8, с. 226] он дает пощечину негодяю, не задумываясь о том, какими мрачными последствиями обернется для него этот поступок. Сходным образом ведет себя Гарвей («Бегущая по волнам»), давая отпор распустившему руки капитану Гезу, ибо «нельзя было допустить избиения женщины – безотносительно к ее репутации» [5, с. 197]. Впечатляет поведение Лонгрена («Алые паруса»), молча, неподвижно и строго, как судья, наблюдающего за тем, как тонет Меннерс, когда-то погубивший его любимую жену, – так выражает он свое «глубокое презрение к Меннерсу – большее, чем ненависть, было в его молчании» [5, с. 36]. Столь же «внуши-

тельно» [5, с. 36] поступает и Рейтар-Дегж («Недотрога»): он убивает негодяя Гуда Гайбера, надругавшегося над его любимым ручным ястребом, который был для него символом свободы его души, был как бы он «сам – ставший птицей» [7, с. 114]; убивает потому, что «была непобедимая сила уничтожить Гуда» [7, с. 117], уничтожить конкретного носителя и проводника зла. И самое существенное в противостоянии гриновских «недотрог» злу то, что, давая злу деятельный отпор, сами они никогда «не становятся злом, не допускают его в себя» [16, с. 339]. Их поступки сверены с «голосом сердца», продиктованы совестью и непоколебимой верой в то, что в жизни не должно быть места грубости и жестокости, что в ней должны царить гармония, милосердие и прощение.

Силу духа герои Грина обнаруживают не только при столкновении с проявлениями внешнего зла, но и в своей личной жизни. Им присущи «сила самосвержения» [9, с. 412], позволяющая изживать лживое и злое (если угодно, «крысиное») в себе, упорство в достижении цели, решимость начать все с чистого листа, порвав с прошлой, неудовлетворяющей и гнетущей жизнью, умение ждать, верность мечте. «Со стиснутыми зубами и побледневшим лицом <...> с решительным напряжением воли» [17, с. 64] идет к цели Артур Грэй («Алые паруса»), решив стать капитаном, в фигуре которого соединились для него «в одно целое все сокровища жизни» [5, с. 62]. Томас Гарвей («Бегущая по волнам»), самоотверженно следующий зову Несбывшегося в стремлении угадать свое истинное предназначение, мужественно отстаивает право видеть мир по-своему. Эли Стар («Путь»), открывший однажды «странный и величественный мир, который стал близок его душе» [6, с. 419], мир, принесший ему «ощущение глубокого, торжественного простора» [6, с. 420] и внутренней свободы, неутомим в искании своей «страны, лежащей за горами» [6, с. 423].

Сущностным качеством «недотрог» является также отсутствие у них страха перед чудом, естественное мужество приятия чудесного – качество исключительно важное в представлении Грина. Он верил в чудо как подвиг веры и любви, верил в способность людей творить чудеса своими руками, в могущество вдохновения, в «высшую степень преодоления, казалось бы непреодолимого, когда непреодолимое покоряется» [27, с. 290], видя в этом возможный путь к преобразению мира. Вместе с тем он сознавал, что в современном обществе, в котором так велика наука и столь мала вера, люди по большей части не готовы к встрече с чудесным, страшатся чуда и, втайне ожидая его всю жизнь, «когда оно наконец блеснет, готовы закричать или спрятаться» [10, с. 17]. При этом единственной силой, способной победить страх людей перед чудом и тайной красоты, музыки, поэзии, по мнению Грина, является чистота сердца и души. И ею сполна наделены его любимые «недотроги», чистые души которых таят «зерно пламенного растения – чуда» [5, с. 109], которым неведом страх перед чудом, ибо Прекрасным Чудом является для них весь мир.

Путь возрождения, в понимании Грина, требует от человека очистить свои душу и сердце, отказаться от душевной, духовной и нравственной «пестроты» [9, с. 407], ставшей для многих определяющим качеством, толкающим к оборотничеству, подлости и обману. Он подразумевает также готовность к страданию, к жертве, требует открытого выхода в пространство жизненной трагедии. Мысль о закономерной и неизбежной трагичности жизни для личности с музыкальным мировосприятием и эстетическим отношением к действительности в условиях современности присутствует уже в ранних рассказах Грина (так, к примеру, в «Зурбаганском стрелке» (1915) упоминается «нищий поэт, умерший из гордости голодной смертью в мансарде, потому что он не хотел просить ни у кого помощи», и приводятся его строки: «Каждый жизнь целуя в губы, должен должное платить, / И без жалоб, стиснув зубы, молча, твердо уходить» [6, с. 380]), но с максимальной отчетливостью высказана она в романе «Дорога никуда» (1930) – самом лучшем, самом сильном, самом трагическом из его сочинений. В основе этого произведения – «конфликт между великими запросами человеческого духа и преградами, которые воздвигает жизнь» [19, с. 198] на пути тех, кто дерзает этим запросам соответствовать. Грин поднимает в нем главные вопросы, волнующие всякого думающего человека: о смысле жизни, о человеческом предназначении, о том, что движет людьми на дороге жизни. И отвечает на них с высоты опыта своей горькой и многотрудной жизни истинного романтика и музыканта.

Смысл жизни – в искании, обретении и служении духовной родине. Верность родине – важнейшая человеческая добродетель, суть которой заключается в высшей честности и неспособности «уступить в главном» [8, с. 231], составляющих основу жертвенности, требуемой родиной. Жизнь человека, взятая как символ, – это, согласно Грину, следование зову родины,

верность пути, ведущему на родину. А «на дороге многое случается и будет случаться» [8, с. 68] (разрядка А. С. Грина. – Г. М.), и потому, полагает он, нелишне соблюдать в пути разумную осторожность, хотя не следует бояться подстерегающих на нем опасностей, иначе говоря, жизненных превратностей, ошибок или разочарований. «Разочарование есть плата за что-то прежде полученное, может быть, несоразмерная иногда» [8, с. 45], но не надо скупиться. Бояться нужно лишь «обобщать разочарование», «окрашивать им все остальное»: иначе едва ли возможно «обрести силу сопротивления злу жизни и правильно оценить ее хорошие стороны» [8, с. 45].

Для героя «Дороги никуда» Тиррея Давенанта родина – это «все лучшее, что может пожелать человек» [8, с. 273], и прежде всего честность, доброта, благородство в отношении людей. Однако его верность этим принципам, питаемая «естественнейшей его склонностью сопротивляться нечистоте» [8, с. 226], оборачивается в жестоком мире «внушительно и мрачно развивающейся судьбой» [23, с. 232], шаг за шагом выстраивающей вокруг него «мир и стены страдания» [23, с. 261]. Но, хотя Тиррея «немного горько» [8, с. 287] за выпавшую на его долю судьбу, он умеет «пересилить горе» [8, с. 314] без того, чтобы стать озлобленным мизантропом. Последние слова, произнесенные им на пороге смерти: «Бой был прекрасен» [8, с. 315] – свидетельствуют о том, что он не жалеет, как прожил жизнь, и даже испытывает определенное удовлетворение и гордость, что не поступился главным и «отстоял с честью свет солнечного луча на ярком ковре со скачущими золотыми кошками» [8, с. 184]. В сознании этого – последнее утешение для Давенанта, умирающего с чувством выполненного долга и незапятнанной совести.

Грин не позволяет своему герою выйти победителем из схватки со смертельной болезнью потому, что ясно сознает неумолимость закона трагичности бытия для тех, кому суждено находиться на теневой стороне жизни: для любимых своих «недотрог» и романтиков. Его последний роман – это гимн возвышающей силе трагического и романтического, признание трагизма жизни в качестве необходимого условия бытия, во всяком случае, на нынешнем его этапе, и в особенности для человека с возвышенной, музыкально-романтической душой.

Подводя итоги, отметим, что в рамках принятого гипотетического допущения, что источником формирования мировосприятия Грина является глубоко пережитое представление о целостности мира, музыкальное чувство писателя допустимо интерпретировать как исполненный экзистенциального и духовно-ценностного смысла жизненный ориентир, дававший ему силы противостоять враждебной действительности, обеспечивавший необходимый для творчества «духовный простор» [12, с. 118], помогавший находить дорогу в «светлые страны своего воображения» [12, с. 145]. Высшее художественное воплощение гриновского музыкального мировосприятия – концепция человека-«недотроги», представляющая настоящее откровение о романтической личности нашего времени. Благородные, чистые душой, бескомпромиссные в главном, умеющие ждать и терпеть, внутренне свободные и безгранично преданные высокому идеалу, ради которого они готовы на страдания и жертву, романтики Грина предстают по сути выразителями культурного запроса времени на подлинного человека, немыслимого сегодня, по мысли Б. Пастернака, без двух вещей: «идеи свободной личности и идеи жизни как жертвы» [21, с. 26]. В «недотрогах» Грином гениально угадан прообраз человека Будущего, человека во многом пока Несбывшегося. Несправедливо теснимые обществом на обочину жизни, они живут, мужественно преодолевая сознание напрасности своей не находящей отклика духовной беспокойности, активности, настойчивости, но Грин верит, что неизбежно наступит их день, «день людей, стоявших в тени, они выйдут из тени на яркий свет, и никто не оскорбит их» [6, с. 461].

Список литературы

1. Белогорская Л. В. Многоплановость символических образов в романе А. Грина «Блистающий мир» // Александр Грин: творческая биография. Статьи, очерки, исследования. Феодосия : Арт Лайф, 2014. С. 221–230.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. М. : Республика, 1994. 528 с.
3. Блок А. А. Искусство и революция (По поводу творения Рихарда Вагнера) // Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 6. М. ; Л. : Гослитиздат, 1962. С. 23–25.
4. Гофман Э. Т. А. Житейские воззрения кота Мурра с присовокуплением макулатурных листов из биографии капельмейстера Иоганнеса Крейсlera / пер. с нем. А. Голембы. М. : Время, 2018. 512 с.
5. Грин А. С. Алые паруса : феерия; Бегущая по волнам; Золотая цепь : романы. М. : Дет. лит., 2014. 544 с.
6. Грин А. С. Вокруг Центральных озер : сб. Екатеринбург: КРОК-Центр, 1993. 576 с.

7. Грин А. С. Дикая Роза. Алые паруса. Недотрога. Феодосия ; М. : Коктебель, 2010. 128 с.
8. Грин А. С. Дорога никуда. М. : АСТ ; Астрель, 2011. 320 с.
9. Грин А. С. Психологические новеллы. М. : Сов. Россия, 1988. 448 с.
10. Грин А. С. Ранчо «Каменный столб» : сб. Екатеринбург : КРОК-Центр, 1993. 592 с.
11. Грин А. С. Сердце пустыни // Грин А. С. Алые паруса. Блистающий мир. Золотая цепь. Рассказы. М. : Худож. лит., 1986. С. 485–494.
12. Грин Н. Н. Воспоминания об Александре Грине: Петроград. Феодосия. Старый Крым. Мемуарные очерки. Дневниковые записи. Письма. Феодосия ; М. : Коктебель, 2021. 496 с.
13. Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб. : Азбука-классика, 2001. С. 282–350.
14. Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. М. : Наука, 1969. 296 с.
15. Козлова Е. А. Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2004. 20 с.
16. Макс Фрай. Заметки о Лиловом Драконе (Александр Грин) // Литературная матрица: внеклассное чтение. СПб. : Лимбус Пресс, 2014. С. 307–339.
17. Максимова О. А. Проза А. С. Грина: музыка в художественном сознании писателя : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004. 24 с. URL: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=30293835> (дата обращения: 24.06.2022).
18. Матвеева Н. Н. Божией милостью прозаик. Мысли об Александре Грине // Наша школа. 2011. № 4 (123). С. 40–48.
19. Михайлова Л. Александр Грин: жизнь, личность, творчество. Изд. 2-е, дораб. и доп. М. : Худож. лит., 1980. 216 с.
20. Павлов В. Л. Философская тональность творчества Александра Грина // Мысль: журнал Санкт-Петербургского философского общества. 2016. Т. 20. С. 120–127. URL: <http://www.elybrary.ru/item.asp?id=27316854> (дата обращения: 24.06.2022).
21. Пастернак Б. Л. Избранное : в 2 т. Т. 2. Доктор Живаго. Роман. СПб. : Кристалл ; Респекс, 1998. 560 с.
22. Римонди Дж. Музыкальное восприятие мира в прозе А. Ф. Лосева // Соловьевские исследования. 2017. № 3 (55). С. 88–95. URL: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=30507035> (дата обращения: 24.06.2022).
23. Римонди Дж. Философские и мировоззренческие основы художественной прозы А. Ф. Лосева (Символическое и музыкальное выражение смысла). М. : Водолей, 2019. 168с.
24. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время / пер. с нем. Т. А. Баскаковой при участии В. А. Брун-Цехового. М. : Молодая гвардия, 2002. 614 с.
25. Стрельцова Г. Я. Метафизика сердца // Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М. : Республика, 1994. С. 374–401.
26. Тиллих П. Мужество быть / пер. с англ. Т. И. Вевюрко. М. : МОДЕРН, 2014. 240 с.
27. Шкловский В. Б. Три встречи с Грином // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками : автобиографическая проза. Воспоминания. М. : Изд-во Литературного института имени А. М. Горького ; Феодосия : Коктебель, 2012. С. 287–290.
28. Юрьева З. О. Творимый космос у Андрея Белого. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 116 с.
29. Яблоков Е. А. Роман Александра Грина «Блистающий мир». М. : МАКС Пресс, 2005. 148 с.

Alexander Green 's musical worldview: existential meaning, value grounds, artistic embodiment

Mokeyeva Galina Ivanovna

PhD in Physical and Mathematical Sciences, senior researcher,
Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky. Russia, Nizhny Novgorod.
ORCID: 0000-0003-3457-7193. E-mail: galina@mech.unn.ru

Abstract. The subject of the research is musicality as a factor of A. S. Green's worldview and creativity. The purpose of the article is to analyze Green's musical worldview from the point of view of existential meaning, value grounds and reflection in creativity. The author proceeds from the assumption that Green's musical worldview was formed as a result of a deeply experienced idea of the world as a harmonious Whole, whose unity is ensured through a musical space-time continuum that sets the rhythm, tonality and melody of universal existence. This assumption determines the novelty and originality of the approach to the consideration of the claimed subject of research.

The main results of experiencing the integrity of the world were for Green the awakening of a musical sense and awareness of his main life task as a search, creation and service to the "true homeland". The writer associated the solution of this problem with loyalty to a high ideal and following its call – the call of the beautiful Unfulfilled, adherence to the "logic of the heart" and faith in a miracle as a feat of love. High love, which en-

dowed him with a deep understanding of the surrounding reality, clarity of vision of his path, is the most important element of Green's musical feeling, the driving force of his creativity. Thanks to her, he was able to create his miracle, create his own world; his best stories and novels are imbued with her light. The highest artistic embodiment of Green's musical worldview is the concept of a touchy-feely person, the owner of a "living soul", living in harmony with the highest values of being, which are Love, Freedom, Nature, Truth and Beauty for him, selflessly following the path of opposing life hostile to him and silently accepting his tragic destiny.

Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that the musical worldview played an important role in Green's life and work, being his spiritual and valuable life guide, a means of preserving himself in hostile reality, giving him the "spiritual space" necessary for creativity, helping him find his way into the realm of imagination.

Keywords: Alexander Green, musical perception of the world, the call of the Unfulfilled, the voice of the heart, the work of faith and love, a touchy-feely person.

References

1. Belogorskaya L. V. *Mnogoplanovost' simvolicheskikh obrazov v romane A. Grina "Blistayushchij mir"* [The versatility of symbolic images in A. Green's novel "The Shining World"] // *Aleksandr Grin: tvorcheskaya biografija. Stat'i, ocherki, issledovaniya* – Alexander Green: a creative biography. Articles, essays, researches. Feodosia. Art Life. 2014. Pp. 221–230.
2. Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a worldview]. M. Respublika (Republic). 1994. 528 p.
3. Blok A. A. *Iskusstvo i revolyuciya (Po povodu tvoreniya Riharda Vagnera)* [Art and Revolution (About the creature of Richard Wagner)] // *Blok A. A. Sobr. soch. : v 8 t. T. 6* [Collected works : in 8 vols. Vol. 6]. M.; L. Goslitizdat. 1962. Pp. 23–25.
4. Hoffman E. T. A. *Zhitejskie vozzreniya kota Murra s prisovokupleniem makulaturnyh listov iz biografii kapel'mejstera Iogannesa Krejslera* [The Life and Opinions of the Tomcat Murr together with a fragmentary biography of kapellmeister Johannes Kreisler on random sheets of waste paper] / transl. from German by A. Golembe. M. Vremya (Time). 2018. 512 p.
5. Green A. S. *Alye parusa : feeriya; Begushchaya po volnam; Zolotaya cep' : romany* [Scarlet sails : extravaganza; Running on the waves; Golden chain : novels]. M. Detskaya lit. (Children lit.) 2014. 544 p.
6. Green A. S. *Vokrug Central'nyh ozer : sb.* [Around the Central Lakes : collection]. Yekaterinburg. KROK-Center. 1993. 576 p.
7. Green A. S. *Dikaya Roza. Alye parusa. Nedotroga* [Wild Rose. Scarlet sails. Touchy]. Feodosia; M. Koktebel. 2010. 128 p.
8. Green A. S. *Doroga nikuda* [The road to nowhere]. M. AST; Astrel. 2011. 320 p.
9. Green A. S. *Psihologicheskie novelly* [Psychological short stories]. M. Sov. Russia. 1988. 448 p.
10. Green A. S. *Rancho "Kamennyj stolb" : sb.* [The Stone Pillar Ranch : coll.] Yekaterinburg. KROK-Center. 1993. 592 p.
11. Green A. S. *Serdce pustyni* [The Heart of the Desert] // *Green A. S. Alye parusa. Blistayushchij mir. Zolotaya cep'. Rasskazy* [Scarlet Sails. The shining world. Gold chain. Stories]. M. Hud. lit. (Fiction). 1986. Pp. 485–494.
12. Green N. N. *Vospominaniya ob Aleksandre Grine: Petrograd. Feodosiya. Staryj Krym. Memuarnye ocherki. Dnevnikovye zapisi. Pis'ma* [Memories about Alexander Green: Petrograd. Feodosia. Old Crimea. Memoir essays. Diary entries. Letters]. Feodosia; M. Koktebel. 2021. 496 p.
13. Zhirmunskij V. M. *Poeziya Aleksandra Bloka* [Poetry of Alexander Blok] // *Zhirmunskij V. M. Poetika russkoj poezii* [Poetics of Russian poetry]. SPb. Azbuka-klassika (ABC-classics). 2001. Pp. 282–350.
14. Kovskij V. E. *Romanticheskij mir Aleksandra Grina* [The romantic world of Alexander Green]. M. Nauka (Science). 1969. 296 p.
15. Kozlova E. A. *Principy hudozhestvennogo obobshcheniya v proze A. Grina: razvitie simvolicheskoy obraznosti : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The principles of artistic generalization in A. Green's prose: the development of symbolic imagery : abstract. dis. ... PhD in Philological Sciences]. Pskov. 2004. 20 p.
16. Max Fry. *Zametki o Lilovom Drakone (Aleksandr Grin)* [Notes on the Purple Dragon (Alexander Green)] // *Literaturnaya matrica: vneklassnoe chtenie* – Literary Matrix: extracurricular reading. SPb. Limbus Press. 2014. Pp. 307–339.
17. Maksimova O. A. *Proza A. S. Grina: muzyka v hudozhestvennom soznanii pisatelya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Prose of A. S. Green: music in the artistic consciousness of the writer : abstract. dis. ... PhD in Philological Sciences]. Vologda. 2004. 24 p. Available at: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=30293835> (date accessed: 24.06.2022).
18. Matveeva N. N. *Bozhiej milost'yu prozaik. Mysli ob Aleksandre Grine* [By the grace of God prose writer. Thoughts about Alexander Green] // *Nasha shkola* – Our school. 2011. No. 4 (123). Pp. 40–48.
19. Mihajlova L. *Aleksandr Grin: zhizn', lichnost', tvorchestvo. Izd. 2-e, dorab. i dop.* [Alexander Green: life, personality, creativity. 2nd ed., compl. and add.] M. Hud. lit. (Fiction). 1980. 216 p.
20. Pavlov V. L. *Filosofskaya tonal'nost' tvorchestva Aleksandra Grina* [Philosophical tonality of Alexander Green's creativity] // *Mysl': zhurnal Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* – Thought: Journal of the

St. Petersburg Philosophical Society. 2016. Vol. 20. Pp. 120–127. Available at: <http://www.elybrary.ru/item.asp?id=27316854> (date accessed: 24.06.2022).

21. Pasternak B. L. *Izbrannoe : v 2 t. T. 2. Doktor Zhivago. Roman* [Favorites : in 2 vols. Vol. 2. Doctor Zhivago. Roman]. SPb. Kristall ; Respex. 1998. 560 p.

22. Rimondi J. *Muzykal'noe vospriyatie mira v proze A. F. Loseva* [Musical perception of the world in A. F. Losev's prose] // *Solov'evskie issledovaniya – Solovyov Studies*. 2017. No. 3 (55). Pp. 88–95. Available at: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=30507035> (date accessed: 24.06.2022).

23. Rimondi J. *Filosofskie i mirovozzrencheskie osnovy hudozhestvennoj prozy A. F. Loseva (Simvolicheskoe i muzykal'noe vyrazhenie smysla)* [Philosophical and ideological foundations of A. F. Losev's artistic prose (Symbolic and musical expression of meaning)]. M. Vodoley (Aquarius). 2019. 168 p.

24. Safranski R. *Hajdegger: germanskij master i ego vremya* [Heidegger: the German master and his time] / transl. from German by T. A. Baskakova with the participation of V. A. Brun-Tsekhovoy. M. Molodaya guardia (Young guard). 2002. 614 p.

25. Strel'cova G. Ya. *Metafizika serdca* [Metaphysics of the heart] // *Strel'cova G. Ya. Paskal' i evropejskaya kul'tura* [Pascal and European culture]. M. Respublika (Republic). 1994. Pp. 374–401.

26. Tillich P. *Muzhestvo byt'* [Courage to be] / transl. from English by T. I. Vevyurko. M. MODERN. 2014. 240 p.

27. Shklovskij V. B. *Tri vstrechi s Grinom* [Three meetings with Green] // *Zhizn' Aleksandra Grina, rasskazannaya im samim i ego sovremennikami : avtobiograficheskaya proza. Vospominaniya* – The life of Alexander Green, told by himself and his contemporaries: autobiographical prose. Memoirs. M. Publishing House of the Gorky Literary Institute ; Feodosia. Koktebel. 2012. Pp. 287–290.

28. Yur'eva Z. O. *Tvorimyj kosmos u Andreye Belogo* [The created cosmos by Andrei Bely]. SPb. Dmitry Bulanin. 2000. 116 p.

29. Yablokov E. A. *Roman Aleksandra Grina "Blistayushchij mir"* [Alexander Green's novel "The Shining World"]. M. MAKS Press. 2005. 148 p.